

*Лазаретин Олег Матусович
Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост..."*

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ЭВАКУАЦИИ И ВОЗВРАЩЕНИИ В ЛЕНИНГРАД

Мать до войны работала в строительной организации учетчиком – распределяла работу между строительными участками. Она тогда была совсем молоденькая и эта была ее первая работа. Там она и познакомилась с отцом. Два года перед войной мама не работала, была домохозяйкой, сидела со мной. Лето мы проводили в Детском Селе, у бабушки с дедушкой. Война застала нас именно там – по Слуцкому (Павловскому) шоссе шли машины и пехота. Солдаты шагали и пели песню «Если завтра война, если завтра поход». Все думали, что эта война, как и Финская, закончится быстро. Потом, когда война приобрела такой серьезный оборот, родители решили, что нам с мамой надо уезжать в эвакуацию.

Отец был замдиректора Завода №7 им. Фрунзе (ныне Арсенал). Когда началась война, был назначен начальником строительства оборонительных сооружений на Ленинградском фронте. Во время блокады телефоны в квартирах были сняты, но отцу его оставили. Кроме того, он имел пропуск на свободное перемещение по городу в любое время суток, несмотря на комендантский час.

К началу войны мне было 6 лет. Поздней осенью 41 года нас с мамой эвакуировали в Ярославскую область. К вагонам было не подступиться и меня передали прямо в окно. В эвакуации жили в Рыбинском районе, в деревне Кисимово, где проживала мамина родня. Однажды мы с двоюродным братом Юрой заметили немецкий самолет. Он летел так низко, что мы увидели лицо пилота, который тоже смотрел на нас, но не стрелял.

Боясь прихода немцев в Ярославскую область, мама решила уехать еще дальше – в Томск, к родным отца.

По дороге питались на станциях по карточкам для эвакуированных. Кормили нас «чёрной хряпой» - щами из верхних чёрных листьев капусты. В эшелоне в пути умирало немало людей. Пока мы доехали до Томска, мама насчитала 80 гробов, которые пронесли мимо нашего вагона, а потом сбилась со счёта. Получая свою часть хлеба, мы мечтали, что после войны будет много хлеба и можно будет съесть его, сколько угодно! Таким вкусным тогда он нам казался!

В Томске был настоящий голод и моя мама, женщина очень активная, поинтересовалась у одной местной жительницы, куда бы мы могли поехать еще, где не так голодно? Та женщина посоветовала нам ехать в г. Рубцовск Алтайского Края (называя ее просто Рубцовкой). Сказала, что если и там нечем питаться, то дальше уже и искать не стоит.

По дороге в Рубцовск одна наша попутчица, которую мы подкармливали, поскольку у неё карточек не было, подсказала нам, что от Рубцовска лучше ехать в село Волчиха, что в 100 км от железной дороги.

Приехав в Рубцовск, мы сразу пошли на базар! И не знаю даже, как у нас не случился заворот кишок от одного вида всей этой еды! Лепешки, сметана, масло, овощи! Было лето, мама оставила меня с вещами в беседке, а сама ушла за едой. Деньги у мамы были, поскольку отец присылал нам их. Мама принесла еду, мы тут же все съели, и она ушла снова. И так повторялось несколько раз!

Найдя попутную машину, мы отправились в село Волчиха, где поселились у Клавы. Познакомились мы с ней только спустя несколько дней, когда она вернулась с пашни. В те годы в колхозах был вахтенный метод и люди уезжали на одну-две недели на дальние пашни, за десятки километров. После следующей своей вахты, вернувшись домой, Клава спросила у моей мамы: «А где моя квартирантка?» Мама очень удивилась и подумала, неужели еще кого-то Клава вселила? Мама ответила: « Так это же мы!» и улыбнулась. Только тогда, по золотому мамину зубу, Клава узнала её – так хорошо мы поправились за время

отсутствия нашей хозяйки! В Волчихе в это время война почти не чувствовалась, а когда прибыла основная волна эвакуированных, то цены начали расти.

Волчиха, несмотря на свое отдалённое, казалось бы, положение, была очень развитым местом – почти райцентр. Население было около 10 тысяч человек, при этом 2 школы, больница, отделение связи. Позже, когда мы рассказывали об этом отцу, он очень удивлялся такой развитости. В 1943 году я пошел в 1 класс, тогда брали в школу только с 8 лет.

В 1944 году, после снятия блокады, отец прислал нам вызов. Мама работала в Волчихе в отделении связи оперативным работником, обучала молодежь, как принимать и обрабатывать корреспонденцию, посылки, денежные переводы. Отпускать ее очень не хотели, но мы всё-таки уехали обратно в Ленинград!

На обратном пути, в Новосибирске, мы встретились с чеченцами, которых переселяли. Их было очень много – от мала до велика. Многие из них умирали, потому что пайка им не полагалась. У них и одежды теплой не было, они же на юге жили. Был приказ – выселить в 24 часа. И это в условиях войны, когда, казалось бы, все силы были брошены на дело победы! Ночью ездили, стучали в окна и давали 10 минут на сборы. Потом грузили в машины и везли на железнодорожные станции, где их ждали товарные вагоны.

В это время наши войска уже освобождали один город за другим и по этому поводу были «салюты», стреляли из артиллерийских орудий. А когда мы объезжали Москву (через нее тогда эшелоны не шли), то видели над Москвой такой «салют». Это мне очень запомнилось.

На подъездах к Ленинграду я очень волновался, мне было тогда 9 лет, а уезжал из Ленинграда я и вовсе маленьким. Мама никак не могла объяснить такое моё сильное волнение! А в кармане у меня была кепка, которую я специально не носил и берёг, чтобы прибыть в Ленинград в новой кепке! Поезда тогда приезжали не на Московский вокзал, как сейчас, а на Московскую Сортировочную. Из эшелона вышло много людей и все стояли в растерянности, куда теперь? Вдруг мы видим машину, а их тогда совсем мало было, и мама говорит: «Вот бы на машине поехать!». Подъезжает легковая машина «Эмка», других и не было, и из нее выходит отец! Мы очень обрадовались, сели в машину и поехали домой, в

ту же квартиру, где жили до войны. Ее за папой оставили, поскольку он в Ленинграде оставался работать. И до сих пор я живу в этом же доме, только в другой квартире.

Вернулись мы в Ленинград летом. Из блокадного застали только светомаскировку. Потом ее сняли, и на улицах зажглось сразу очень много огней.

Во 2 класс я пошел в мужскую среднюю школу им. А. С. Грибоедова, бывшую Анне-шуле, на Кировской улице. Мы занимались по тем же учебникам, по которым мой отец учился, и я как-то находил в его «решенниках» ответы – только номера заданий изменились, а так всё совпадало! В нашей школе выступали с открытыми уроками многие авторы тогдашних учебников, поскольку школа находилась под наблюдением Академии Педагогических Наук.

На Литейной стороне было всего несколько разрушенных домов. Отстроили их заново пленные немцы. У них выменивали разные интересные вещи (например, ремень с бляхой, на которой было написано «Бог с нами») на хлеб. Потом, когда они немного отъелись, стали уже на табак свои вещи обменивать.

Помню 9 мая 1945 года. Был праздничный салют на Марсовом поле. Все люди были веселые, обнимались, целовались! А в начале июня стали возвращаться воины-победители! На главных проспектах города были установлены деревянные триумфальные арки! Моя мама тогда работала в Лектории Горкома Партии на Литейном проспекте, где выступали такие люди, как академик Тарле и лектор-международник Бродский. Мы с подружкой, соседской девочкой Леной, сначала смотрели из окон Лектория на колонну солдат, потом вышли на улицу и стали наблюдать шествие ближе. Но это было не просто шествие, солдаты останавливались, им аплодировали, они общались с людьми, целовались, обнимались, разворачивались в конном и пешем строю.

В 1946-47 гг. карточки отменили и произвели денежную реформу – старые деньги меняли на новые в расчёте 10 к 1, а те, что были на сберкнижках – 1 к 1. Но заранее об этом никто не знал и многие снимали деньги со счетов, хотя и мало у кого они были. Цены после реформы выросли и покупать всё стало, конечно, дороже, чем по карточкам раньше получали. Были магазины Особторга (например, Елисеевский магазин), в которых можно было купить всё, что угодно,

но очень дорого. Когда я болел, а отец и мать хотели меня как-то порадовать, покупали мне пирожное в Особторге.

О МОИХ РОДСТВЕННИКАХ, БЫВШИХ В БЛОКАДУ В ЛЕНИНГРАДЕ.

Старший мамин брат, Алексей Иванович Пичугин. Был машинистом «Красной Стрелы» на Октябрьской Железной Дороге. Если в составе присутствовал кто-то из высоко поставленных лиц (Ворошилов или еще кто-то из Правительства), об этом знал только машинист! На рабочем месте всегда был в белых перчатках, потому что водил привилегированный поезд.

Дядя одним из первых пострадал от голода в блокадном Ленинграде, поскольку был очень высоким, под 2 метра ростом (четвертый по росту человек в Ленинграде на тот период!) и общеустановленной пайки хлеба ему, конечно, не хватало...

Второй дядя, Василий Иванович, жил в Колпино, работал на Ижорском заводе. Пошел в Народное Ополчение и пропал без вести.

Моему двоюродному брату Сергею к началу войны было 17 лет, и он пошел добровольцем на фронт. Прошел всю войну и еще несколько лет после служил в Германии, потому что их не отпустили домой после победы в 1945 году.

Это Сергей с сослуживцем 11 мая 1946 года, г. Нойхаус, Германия.

Блокада и последующие события в стране сильно сказались на здоровье отца, его эмоциональном состоянии.

Отец остро переживал Дело Врачей. Статья «Палачи в белых халатах» М.Шагиняна вызвала у него бурную реакцию – он сидел на кухне чернее тучи, стукнул кулаком по столу и сказал: «Не может быть!» И позже он оказался прав – через некоторое время после смерти Сталина всех врачей реабилитировали.

20 февраля 1953 года отца не стало, он не дожил до смерти Сталина две недели. Если бы отец был жив и дожил до XX съезда в 1956 году, на котором был

разоблачен культ личности Сталина, то для него это было бы очень большим событием и дало бы, как мне кажется, силы жить дальше.

Воспоминания записала и оформила

Кристина Шаткова

2012-2013гг